

Когда Дайки ушёл на работу, рядом с Томой и Мин Джуном остался только Кэнта. Лысый и остальные бандиты все отправились вместе с Дайки. Хотя Тома был для него таким дорогим сыном, в таком огромном доме всё равно оставался лишь Кэнта. Мин Джун особо не хотел задумываться над этим. Ему было спокойнее находиться рядом с одним только Кэнта, чем видеть перед собой страшных якудза, снующих туда-сюда.

Казалось, именно Кэнта отвечал за воспитание Тома. После завтрака он дал мальчику немного свободного времени, а затем передел его в белый спортивный костюм. Тома, оказавшись в руках Кэнта, невольно дал себя одеть, но тут же подбежал к Мин Джуну, стащил одежду через голову и протянул её, требуя, чтобы тот сам помог надеть.

Тома так сильно тянул одежду, что голова застряла в горловине, волосы растрепались. Мин Джун пригладил их и аккуратно помог одеться. Он чувствовал на себе пристальный взгляд Кэнта, но это был не Дайки — стрелять дротиками никто не станет. Поэтому Мин Джун сделал вид, что не замечает.

Мин Джун заметил, что комнаты дома соединялись не через коридор, а одна проходила в другую. Пройдя гардеробную и комнату без дверей, они оказались в учебной. Там стоял стол и стул, подогнанные под рост ребёнка, — словно он попал в страну лилипутов. Перед столом была установлена маленькая доска, а рядом стоял крошечный стульчик.

Это явно был не стул Тома. Мин Джун невольно уставился в затылок Кэнта, шедшего впереди. Потом снова перевёл взгляд на миниатюрный стул. Представив Кэнта, серьёзно сидящего на нём и занимающегося с мальчиком, он не выдержал и расхохотался.

— Э? Почему смеёшься, мама? — удивился Тома.

— Прости... мне вдруг так смешно стало. Фуф... что же со мной.

— Мама, что смешного?

Тома дёрнул Мин Джуна за руку, умоляя показать. Тот вздохнул и присел на детский стульчик. Даже его не слишком крупные бёдра уместились всего наполовину, сидеть было ужасно неудобно.

— Представляешь, Тома, вот так сидеть... слишком смешно. Как же мне не смеяться! А тебе не смешно?

— Угум, смешно. Кэнта всегда так сидит. Вот так, попку вперёд вытянет — и сидит. Тома тоже смеялся.

Мальчик показал, как Кэнта садился, смешно выпятив маленький задик. Мин Джун тоже засмеялся, и они оба залились хохотом. Кэнта, наблюдая за ними, не мог не удивляться: как эти двое, едва знакомые всего один день, умудрялись понимать друг друга с полуслова?

Тома, трясясь от смеха и держась за живот, выглядел таким милым, что Мин Джун не заметил, как у Кэнта застыло лицо. Он подхватил ребёнка и поднял высоко.

— Тома, ты такой прелестный! Давай, мама покатает тебя самолётиком!

Вспомнив игру из детства, когда дедушка катал его на руках, Мин Джун зажал мальчика у себя на боку и начал кружить. Когда Кэнта бросился к ним, они уже всю вертели, издавая радостные крики.

— Ура! Ура! Мама, быстрее! Жжжж! Тома — самолёт!

От скорости поднялся ветер.

— Так нельзя, — вмешался Кэнта.

— А что такого? Смотри, Тома счастлив! Ха-ха... хотя тяжеловато...

— Вы ведь только что поели, если крутить так, то...

— Увек!

Раздался странный звук. Мин Джун поспешно остановился, но сам пошатнулся. К счастью, Кэнта подхватил их обоих и смягчил падение, хотя едва не задохнулся от их тяжести.

— Тома, ты в порядке? Тебя тошнит? Можешь вырвать.

Мин Джун стал искать глазами хотя бы пакет или миску, но в учебной были лишь книги. Выругавшись про себя на то, что в комнате трёхлетки столько учебников, он сложил ладони лодочкой и поднёс ребёнку.

— Ничего страшного, сынок, вырви прямо в мамину руку.

Но Тома побледнел и замотал головой. Мин Джун решил, что тот стесняется испачкать его руки. С грустной улыбкой он ещё ближе поднёс ладонь. Хотя сам Мин Джун имел слабый желудок и учился на медбрата, даже кровь видеть не мог — сразу падал в обморок. Но с Томой это было иное. Мальчик звал его «мама», и Мин Джун чувствовал себя настоящей матерью.

— Давай, Тома, мама все понимает.

— Мин Джун-сан, позвольте мне...

— Не мешайте! Надо, чтобы Тома спокойно вырвал.

Но вдруг мальчик моргнул и перестал держать рот рукой. И, как телёнок, начал жевать что-то обратно.

— Тома...?

— Мама, Тома всё съел. Тома «увек» не будет. Смотри, ничего нет!

Он с гордостью показал ротовую полость. Мин Джун, стараясь улыбнуться, почувствовал, как подкатывает тошнота. Все его героические намерения моментально куда-то исчезли. Тем не менее, он поднял ребёнка и сказал:

— Пойдём, почистим зубки ещё раз.

— Да, мама.

Оставшись на полу, Кэнта с трудом поднялся, хрустя суставами. Впервые в жизни Мин Джун внушил ему настоящий страх. В его жизни появился человек, похожий на цунами. Одним словом — «сильный противник».

Тем временем Дайки, беседуя с Реном о расширении торгового центра, вошёл в дом. Как обычно, члены организации выстроились встречать его. Но выбежавшего навстречу Тома не было видно. Дайки взглянул на часы: было чуть больше семи. Обычно в это время Тома обязательно первым встречал отца.

Сердито взглянув на осунувшегося Кэнта, он спросил:

— Где Тома?

— Сейчас подойдёт.

— А почему ты первый вышел?

— Дело в том, что...

Но он не успел договорить — издали донёсся странный звук. Дайки посмотрел в конец длинного, метров в двадцать, коридора.

— Лягушка!

— Квак-квак!

— Лягушка!

— Квак-квак!

— Молодец, Тома. Ещё раз — лягушка!

— Тома ква-ква! Папа!

И вот по коридору на четвереньках, прыгая как лягушонок, мчался Тома, а рядом, бодро шагая, шёл Мин Джун, выкрикивая названия животных. Дайки нахмурился.

— Кэнта, объясни.

— Мин Джун-сан говорит «утка» — и Тома крикает. Говорит «цыплёнок» — и он пищит. Так у них в корейских детских садах.

— И ты просто смотрел на это?

— Тома очень доволен... Но «лягушка» впервые, я и сам растерялся.

— Папа, Тома — лягушка! Больше не зови меня Тома, зови Лягушка, ладно?

Мальчик, добежав, повис у отца на ногах. Дайки поднял его, но при этом метнул в сторону Мин Джуна убийственный взгляд. Улыбка тотчас сползла с лица Мин Джуна, и он поспешно отвёл глаза.

— Минутку, выйди-ка со мной.

— Папа, а Тома тоже?

Тома взял лицо Дайки обеими руками, которое в этот момент сурово смотрело на Мин Джуна, и заставил отца посмотреть на себя.

— Папа, скажи „лягушка“. Ну же.

— Тома, сейчас не время...

У мальчика для своего возраста были большие глаза и длинные ресницы. Он закатил глазки и невинно посмотрел на отца. Взгляд ангельских глаз сына заставил губы Дайки дёрнуться. А по вискам выстроившихся рядом якудза скатились крупные капли пота. Никто из них не мог представить, что из уст Дайки когда-либо прозвучит слово «лягушка». Но...

— Лягушка.

Суровым и тяжёлым голосом Дайки произнёс это слово. Якудза рядом опустили головы и вспотели от ужаса. Выдержать это было невозможно.

— Ква-ква! — радостно закричал Тома и, сидя на руках у отца, задорно завил попойкой.

Откуда-то послышалось сдавленное хихиканье. Опустившие головы якудза подняли только глаза — и страшно уставились на Мин Джуну, который едва сдерживал смех.

— Кэнта.

— Да, босс.

— Забери.

По слову Дайки Кэнта взял Тому на руки и повернулся. Мин Джун, похолодев, схватил мальчика за край одежды.

— То... Тома! Мы же должны идти вместе с мамой.

Холодок пробежал по телу, будто он оказался в баке с ледяной водой. Мин Джун вцепился в ребёнка.

— Ага! Тома хочет пойти с мамой!

Мальчик протянул руки к Мин Джуну, и тот поспешил подхватить его. Но едва попка Тома оторвалась от руки Кэнты, как низкий голос Дайки остановил сына:

— Тома, иди с Кэнтай.

— Хорошо. Мамочка, увидимся позже.

— То... Тома... ты же должен взять и маму...

Мин Джун не смел повернуть голову к Дайки, пока не увидел, как Тома за поворотом исчезает в коридоре. Он чувствовал, что особой вины за собой нет, но рядом с Дайки всё равно было страшно. Его сердце колотилось так, будто готово выпрыгнуть из груди, тело дрожало — и это было ещё до того, как босс успел рассердиться.

— Поговорим немного.

— В... в кабинете?

Мин Джун вздрогнул. В отличие от своенравного, как кошка, поведения обычно, сейчас он был

весь в страхе. Перед глазами всплыл дартс, воткнутый в стену. Он замотал головой, словно от неё собирались открутить.

Мин Джун осторожно отошёл в сторону от мишени для дротиков. Дайки стоял у окна, спиной к свету, и смотрел прямо на него. Его взгляд был холоден, как минусовая температура, и в то же время казался готовым вспыхнуть пламенем.

— Я не хочу слышать из уст моего сына звериные крики.

— Но это же не звери, а милые животные...

Мин Джун ругал себя — глаза не смел поднять, а язык всё равно выдавал то, что он думал.

— Если я сказал „зверь“, значит — зверь.

И тут в воздухе просвистело. Дротик, брошенный Дайки, мелькнул в поле зрения Мин Джуна и с металлическим звоном вонзился точно в центр мишени. Даже лучший питчер бейсбола не бросил бы столь идеально.

Мин Джун с хрустом в шее повернул голову к боссу.

— П-простите... Просто Тома так с... сильно любит это.

— Детям всё нравится, если весело. Но он ещё маленький, ничего не понимает.

— Неправда! Даже маленькие понимают!

Он выкрикнул это на несколько тонов выше обычного и тут же почувствовал, как окружающие якудза сжали кулаки и испепеляюще посмотрели на него. Но... в их взгляде мелькало странное сочувствие. Будто они умоляли глазами: «Не перечь боссу, просто согласись — иначе не выживешь!»

Мин Джун ощутил в них какую-то человечность и, обмякнув, упал на колени. Он начал отчаянно просить прощения:

— Понял! Больше никогда не буду учить его этим звукам!

Дайки посмотрел сверху вниз на стоящего на коленях Мин Джуна, крепко зажмурившего глаза. И на его лбу прорезалась глубокая морщина — явно это зрелище не доставляло ему удовольствия.

— Встань.

Мин Джун вскочил, как на пружинах. Ему даже показалось, что кто-то тихо хмыкнул, но он отогнал мысль: кто мог смеяться в этой комнате, где летали дротики?

— Можешь идти.

— Есть!

Мин Джун выкрикнул так, что чуть ли не стены задрожали, словно новобранец на армейской присяге.

— Стой.

Он замер на полушаге, подняв ногу.

— Если ещё раз встанешь на колени — живым не уйдёшь. Понял?

— Да.

Это же из-за тебя всё! Кроме мамы и тебя, я в жизни ни перед кем на колени не становился! — мысленно взвыл Мин Джун, прикрыв рот рукой, чтобы случайно не вырвалось вслух. Он снова быстро ответил «Да», и, не дожидаясь, пока его кто-то остановит, бросился прочь из кабинета.

Мин Джун сидел, а Тома вертелся у него на коленях, но сам он был весь в своих мыслях, уставившись в пустоту.

Прошла уже неделя с тех пор, как он оказался в этом доме. За это время он понял: мир якудза похож на луковицу — слой за слоем открывается что-то новое. У них была своя странная жизнь и суровые правила, но нельзя сказать, что это были только страшные чудовища.

Он ошибался: представлял, что они чуть ли не ежедневно разделявают трупы, а на деле их дни оказались удивительно похожими на жизнь обычных людей, пусть и со странностями.

Якудза относились к Мин Джуну с уважением, словно он и вправду был «мамой» Тома. Например, Юки, который отвечал за уборку второго этажа, выглядел простым деревенским парнем и на вид даже муху убить не мог. Мин Джун иногда переживал: а что, если такого в драке действительно проткнут ножом?

У всех оказалось разное прошлое: кто-то был поваром, кто-то держал овощную лавку, кто-то учил игре на пианино, кто-то работал парикмахером, а кто-то даже врачом. В это было трудно поверить, но, например, Рен — тот самый лысый — имел медицинскую лицензию и был настоящим вертебрологом. Узнав это, Мин Джун воскликнул, что не верит в такие сказки, прямо при Дайки. И за это едва не поплатился жизнью, когда Рен сунул ему в рот огромный садовый шланг.

Но всё это не казалось Мин Джуну столь удивительным. Гораздо сильнее его потрясло другое: каждое утро он всё ещё получал от Дайки «утренний поцелуй». Конечно, главным «инициатором» был маленький Тома, который радовался и хлопал в ладоши, когда папа и мама целовались.

Но если бы Дайки не хотел, разве он стал бы каждый день это делать? — задумался Мин Джун. — Может, у него и правда есть ко мне интерес?

Но тут же отмахнулся: невозможно. Ведь этот человек по-прежнему швырял в воздух дротики. Какой же мужчина станет так поступать с тем, кто ему дорог?

Проблема была в нём самом. Каждый раз, когда Дайки подходил, источая мощный феромон, и прижимался губами, тело Мин Джуна предательски отзывалось искрами. Даже если рядом Тома хлопал и радостно визжал.

— Если бы не эти чёртовы дротики... Так и до шампуров дойти недолго.

Мин Джун пробормотал это по-корейски. Тома, перекатываясь у него на коленях, сунул руку в рот и, раскрыв рот, спросил:

— Ма-ма, а это что значит?

— Тома, ты видел папу?

— Да! Папа на работе!

Мальчик крепко обнял Мин Джуна за шею. Тома явно никогда не чувствовал материнской ласки и теперь не хотел отпускать «маму» ни на шаг. Мин Джун с нежностью глядел на малыша и, поддавшись, гладил его по спине.

— Тома, давай нарисуем что-нибудь?

— Тома уже рисовал! С утра!

Точно, минуту назад Тома вроде бы что-то рисовал на бумаге. Мин Джун огляделся по сторонам, ища альбом для рисования, в котором Тома оставил свой рисунок. Ожидая увидеть пестрые каракули на белых страницах, Мин Джун, заглянув в альбом, не смог скрыть ужаса.

Он, держа Тому на руках, на коленях бросился к альбому и поднял его. Страницы были закрашены в сплошной чёрный цвет. Тома, свесившийся с него, как коала, радостно хлопал в ладоши — ему понравилось, как Мин Джун «скакал» на коленях.

— Тома, это что такое? Н-ночь?

— Нет. Это Томин шапка-шкаф.

— Шкаф с одеждой...? И где же?

— Вон-вон. У Тома шапка-шкаф чёрный.

В самом деле, каждое утро Кэнта приносил и вещи Мин Джуна, и одежду Тома, поэтому сам он ни разу толком не рассматривал гардеробную. Пижама и бельё хранились отдельно — в маленьком шкафчике возле ванной. Мин Джун посмотрел на свою одежду и на домашний костюм Тома.

Он и сегодня был одет, как и вчера: белая рубашка и чёрные брюки. У Тома тоже было всё почти так же. Разве что на его вещах иногда попадались милые узоры, но цвета оставались прежними — белый, серый или чёрный.

Мин Джун взял Тому и пошёл в гардеробную. Открыв дверцы шкафа, он едва сдержал крик и тут же позвал Кэнту:

— Кэнта-си! Кэнта-си!

— Кэнта, Кэн-энта!

Стоило Мин Джуну позвать, как и Тома, согнувшись, надрывая горло, тоже закричал «Кэнта!». Кричал он так сильно, что лицо стало пунцовым.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и Кэнта, похоже, выбежавший из ванной, вбежал в комнату с расстёгнутым ремнём. Почти сразу же зазвучали шаги по лестнице — остальные якудза гурьбой поднимались вверх.

— Что случилось? — спросил Кэнта.

— Это что вообще такое?! — Мин Джун, хлопая по Томиному костюму и брызжа слюной,

закричал на Кэнту. Вины того в этом, конечно, не было. Если уж кто и отдал подобный приказ, то наверняка глава клана Камияма — Дайки Джо. Но, не имея мужества кричать на босса, Мин Джун излил весь гнев на ни в чём не повинного Кэнту.

— С гардеробом Тома-сама какие-то проблемы?

— Почему вся одежда ребёнка чёрная?! Ни одной яркой вещи! Сплошная серость! Где тот альбом?

— Мама, вот он.

Неизвестно, когда он успел его взять, но Тома высоко поднял рисунок со своим «шкафом».

— Молодец, Тома. Давай покажем его Кэнте.

— Ладно, мама. Кэнта, вот Томин шкаф. Смотри-смотри, хорошо нарисовал?

Тома положил альбом себе на голову и посмотрел на Кэнту. А тот, глядя на абсолютно чёрный лист без намёка на форму или смысл, молча застегнул ремень и бросил взгляд в сторону подчинённых, ожидавших в коридоре. Те, что с грохотом взлетали по лестнице, теперь столь же стройным шагом спустились обратно.

<http://bllate.org/book/12398/1105527>